

Я СВОЗИЛ БАБУШКУ В ПАРИЖ

АЛАН МАНСЕРА

Алан Мансера

Я свозил бабушку в Париж

«Автор»

2026

Мансера А.

Я свозил бабушку в Париж / А. Мансера — «Автор», 2026

Тринадцатилетний Эмиль живёт во французской деревушке Пешмонт с бабушкой, которая молчит о прошлом. Но однажды загадочное приглашение из Парижа приоткрывает дверь в его собственную историю. Решив во что бы то ни стало добраться до столицы, Эмиль совершает ряд ошибок, меняющих его навсегда. И постепенно за детскими играми проступает нечто большее: мрачная тайна, которую его семья прятала десятилетиями. «Дети живут мечтами, мгновением. Только они способны пожинать все радости жизни здесь и сейчас. Если ребёнок начинает жить будущим или прошлым, он становится взрослым».

© Мансера А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава I	6
Глава II	8
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Алан Мансера

Я свозил бабушку в Париж

Пролог

Уважаемый господин Председатель!

Обращаюсь к вам с необычной просьбой. Меня зовут Эмиль Брюн. Я работаю в канцелярии неподалёку от вашего офиса, так что мы наверняка мельком виделись, хоть и не знакомы лично. Надеюсь, что моя фамилия и имя бабушки — Жоржетт Моне — отзовутся в вашей памяти. Недавно я переехал в столицу, снова зашёл к мемориалу и вдруг понял: во мне живёт одна история, которая не даёт покоя. Я попытался её записать. Получилась книга, или, скорее, дневник о детстве в Пешмонте — тихой рыбацкой деревушке на Луаре. Родители оставили меня там у бабушки совсем маленьким, и, к сожалению, я их почти не помню. Лишь изредка, в обрывках разговоров с соседями, я выхватывал слова про Сопротивление и оккупацию. Больше ничего. А потом, в один зимний вечер Впрочем, пусть страницы расскажут сами.

То, что вы держите в руках, — моя неуклюжая попытка выплеснуть чувства, которые жили во мне тогда и не отпускают до сих пор. Прошу вас прочитать рукопись. Если сочтёте, что она заслуживает внимания, буду рад любой помощи в том, чтобы донести её до людей. Если нет — приму это спокойно. Главное для меня одно: чтобы память о тех, кто сражался, и о тех, кто был рядом, не застыла навсегда в стенах бабушкиного дома.

С уважением,
Эмиль Брюн

Глава I

Вспоминая сейчас бабушкин дом, я всё больше и больше убеждаюсь в том, что мы жили в детском рисунке. Большая каменная коробка, увенчанная крутой крышей из глиняной черепицы, одинокая клумба с цветами, стоящая под окном — всё это выглядело в большей степени придуманным ребёнком, вот-вот попробовавшим себя в роли архитектора. И тем не менее, внутри этого дома было целое королевство — большая кухня с собственной печкой, две огромные спальни, ванная и что-то вроде зала, больше напоминавшего коридор. В последнем, кстати, бабушка хранила все свои драгоценные вещи и небольшой запас съестного. Старушка говорила, что этот дом построил мой дедушка, и, наверное, он был тот ещё шутник, если поставил почтовый ящик у задней калитки.

Одним морозным зимним вечером к нам домой постучался почтальон. Будучи тринадцатилетним неугомонным ребёнком, я сразу же побежал открывать дверь. Перед мной стоял коренастый взрослый мужчина, одетый в тёплый серый кафтан, с большой кожаной сумкой, перекинутой через плечо. Его лицо выражало усталость, а длинные седые усы, казалось, расправились от домашнего тепла.

— Мальчик, — произнёс он, откашливаясь, — позови

Он поставил сумку на порог, выхватил из неё большой запечатанный конверт и принялся читать адрес.

— Жоржетт Моне.

Не успел он договорить, как за моей спиной сразу появился адресат собственной персоной. Бабушка поздоровалась с почтальоном, забрала письмо и отправила меня на кухню. У них завязался разговор. Всё произошло так быстро, что я на секунду подумал, что обо мне все забыли. Но перечить бабушке я не стал — это было всё равно что пытаться косить сено лопатой. Вместо этого я замер в дверном проёме кухни и попытался подслушать их беседу. До меня доносились лишь приглушённый смех и служебные любезности. Когда старики распрощались, дверь закрылась, и звук шагов медленно приблизился к кухне.

Я уже сидел на стуле, поджав ноги. В воздухе витал аромат свежего яблочного пирога, щедро посыпанного сахарной пудрой. В печи ещё потрескивали дрова. Бабушка вошла на кухню плавно и беззвучно. В её руках был вскрытый конверт, наполовину обнажавший письмо. На её лице не было ни улыбки, ни печали — лишь пустой, почти кукольный взгляд скользнул по комнате. Она положила конверт на кухонный стол и направилась в ванную.

Что двигало мной в тот момент? Может, детское любопытство, а может, чувство, которое до сих пор не отпускает меня, — та невидимая нить, связь, прошедшая сквозь годы. Я тут же ринулся к столу, схватил конверт и начал читать письмо. «От имени Ассоциации Бойцов Сопротивления и их семей мы приглашаем вас посетить» Дальше бумага пошла волнами от времени, чернила расплылись и стёрлись. Я вчитывался в размытые пятна, пытался уловить суть, но угадывались лишь обрывки фраз. Слова «мемориал» и «Пер-Лашез» давно превратились в нечитаемые кляксы, зато чётко проступало — и словно сияло в этом хаосе — «Париж». Не успел я вникнуть, как письмо исчезло из моих рук, и передо мной уже стояла она.

— Эмиль! — воскликнула бабушка. — Почему ты берёшь то, что тебе не положено?

Я замер.

— На конверте же написано: для Жоржетт Моне.

Казалось бы, отругала. Но даже в её выговоре слышалась ласка. Бабушка спрятала письмо куда-то под стол — я даже не заметил куда — и принялась наводить порядок. Мы собирались пить чай с вечерним пирогом.

— Бабуля! — выкрикнул я. — Нас приглашают в Париж!

Она уже успела расставить блюда и кружки, подошла к столу и взяла нож, чтобы разрезать яблочный пирог. На полу стоял бидон свежего деревенского молока, и я тоже встал со стула, чтобы помочь ей разлить его по кружкам.

— Вот что, внучок — обронила она, разливая молоко. — Нам нечего там делать.

— А как же родители? Это ж они, они воевали в Сопротивлении!

— Нет, — выпалила старушка. — Нет и ещё раз нет. Забудь об этом, Эмиль, у нас нет возможности туда поехать.

Я видел, как её лицо вновь застыло, а глаза стали стеклянными.

— Не нужно нам туда.

Бабушка закончила с сервировкой, и мы принялись за чай. Не знаю, встречал ли я когда-нибудь сладость вкуснее её яблочного пирога. И тогда я съел кусков, наверное, три, если не больше. В перерывах между ними, с каждым глотком молока, во мне крепла одна мысль: бабушка чего-то боится или просто по-старчески вредничает. И я решил: раз она не поедет сама — я привезу её туда. Мне просто нужно было заработать на билеты. И со следующего дня я уже принялся за дело.

Глава II

И всё же, наверное, я погорячился, назвав Пешмонт захолустьем. То, как там праздновали Рождество, не идёт ни в какое сравнение ни с одним другим городом или деревней Франции. Я мог одновременно ощутить запах, вкус и саму душу праздника — настолько явственно, что казалось, будто весь мир вот-вот съедется в Пешмонт, чтобы присоединиться к торжеству. Но вернёмся к истории.

Дело было в сочельник. Я вместе со своей подругой Камиллой возвращался из школы; мы шли вдоль длинной улицы, поворачивающей направо, к мосту через Луару. За мостом дорога растворялась в бескрайних сверкающих снежных полях и хвойных лесах. Рядом стоял бабушкин дом, а по ту сторону реки — поместье Баров, самой богатой семьи в Пешмонте. К моему сожалению и к счастью для Камиллы, её дом находился как раз посередине этой улицы. Я очень не любил возвращаться домой в одиночестве, особенно в преддверии праздника. Лишь одна мысль тогда меня радовала: Пешмонт готовился стать центром мира, утопая в праздничных венках, еловых ветвях и гирляндах. Люди готовились к торжеству, и это чувствовалось не только на фасадах домов — сухой зимний воздух наполнился сладким ароматом запеканок, пирогов и свежей выпечки.

Камилла болтала без умолку. Она очень любила фантазировать, легко делилась мыслями и мечтами, главной из которых всегда оставалось поступление в университет в Париже. И я верил, что у неё получится, даже если на этот раз она грезилась о Лондоне или Болонье — ума ей было не занимать, равно как и умения очаровывать словами.

— Представь, Эмиль: Ассас, Сорбонна, набережная Сен-Мишель — всё в одном городе! — приговорила Камилла, перечисляя названия столичных университетов.

— Эйфелева башня, Елисейские поля, Тюильри!

Я слушал, наострив уши, и мысленно представлял, как мы с бабушкой посетим все эти места. Речи подруги заставляли меня гореть бурным желанием заработать на билеты. Мы уже собирались прощаться, но шум возни за углом дома Камиллы заставил нас свернуть с пути.

Александр и Шарль. Шарль Бар — да, из той самой семьи. Этих двоих нельзя было оставлять наедине. Несмотря на то что они были моими друзьями, друг друга они считали непримиримыми соперниками. В этот раз темой спора стала литература, и словесная стычка вылилась в перестрелку снежками за углом дома подружки.

— Пушкин! — кричал Саша.

— Гюго! — парировал Шарль.

Снежок за снежком, фамилия за фамилией.

— Лермонтов, выскочка!

— Бальзак! В деревне что, больше нечего читать?

Чьи классики сильнее? Русские или французские? Может, мы бы и узнали, если бы очередной снежный снаряд не поразил Камиллу прямо в лоб.

— Неучи! — выстрелила девочка, отряхиваясь от снега. — Какая вам литература? Какие вам классики?

Мальчишки замерли, будто забыли о споре. Саша подбежал к нам, поздоровался и сделал вид, что стряхивает снег с рукава. Камилла же оттолкнула его, не дав опомниться.

— Это Шарль! — выкрикнул Александр, показав пальцем на бывшего соперника.

— Жаль, что не я. Я бы кинул сильнее, — моментально парировал Шарль.

Досталось обоим. Теперь в перестрелке участвовали уже трое, а вскоре и все четверо. Приятно вспоминать, что в детстве все конфликты можно было решать простым дурачеством. Зимняя битва продолжалась до самого вечера; ребята делали передышки лишь на мгновения, чтобы перевести дух, посмеяться и вновь поразить противника шквалом снежных снарядов.

— Камилла! — слышался строгий женский голос.

Это была мама девочки. Всё это время она наблюдала из окна собственного дома.

— Ты вся в снегу! А ну быстро домой!

Подруга не стала спорить. И действительно, как бы энергично она ни сражалась с мальчишками, к концу битвы начала походить на снеговика. Мы остались одни, и больше нас ничего не держало. Спор утих, мне пора было идти домой. Шарль, даже не попрощавшись, вразвалочку зашагал к своему поместью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.